

**ГУ
БЕР
МАН**

Гарики
предпоследние

Игорь Миронович Губерман Гарики предпоследние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3091695

Игорь Губерман. Гарики предпоследние: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-32675-4, 978-5-699-32677-8

Игорь Губерман

Гарики предпоследние

Друзьям, которые уже ушли

*Я глупо жил и опрометчиво,
был раб любого побуждения,
зато порой с утра до вечера
изнемогал от наслаждения.*

В оформлении книги использованы наскальные рисунки древних евреев

Я с русской речью так повязан,
любя её ручьи и реки,
что я по трём порою фразам
судить могу о человеке.

1

На нас огромное влияние
(и на победы, и на бедствия)
оказывает возлияние,
включая все его последствия.

2

В деньгах есть тоже благодать,
зависит жизнь от них,
и чем их тупо проедать —
я пропиваю их.

3

Багрово, лилово и красно,
и даже порой фиолетово
алеют носы не напрасно,
а лишь от того и от этого.

4

Свой век я прогулял на карнавале,
где много было женщин и мужчин,
потери мне веселья придавали,
находки добавляли мне морщин.

5

Ценя покой в душе и нервах,
я пребываю в людях средних,
и, хоть последний между первых,
зато я первый из последних.

6

Попался я, как рыбка на крючок,
мне страсть моя, как бабочке – сачок,
а кролику – охотничий зрачок,
но сладок наживлённый червячок,
и счастлив загулявший старичок.

7

Ушёл наплыв похмельной грусти,
оставил душу змей зелёный:
меня родители в капусте
нашли, мне кажется, в солёной.

8

Вот чудо века: после пьянки
среди таких же дураков
лететь в большой консервной банке
над белой пеной облаков.

9

Блаженство витает шальное,

стихают надрыв и надлом,
когда закипает хмельное
вампиришество душ за столом.

10

Глаза не прикрыл я рукой,
а занял закуской на блюде,
и жизнь принимаю такой,
какой её нет и не будет.

11

Я пленник любых искушений,
все планы успехов – просрочены,
я шёл по дороге свершений,
но лёг отдохнуть у обочины.

12

От выпивки душа нежней и пористей,
и видно сквозь ледок житейской стужи,
что корни наших радостей и горестей
ветвятся изнутри, а не снаружи.

13

Чёрной зависти жар – горячее огня,
и душа моя стонет больная,
если знаю, что где-то сейчас без меня

затеваается песня хмельная.

14

К искушениям холодно стоек,
воздержанье не числа бедой,
между ежевечерних попоек
обхожусь я водой и едой.

15

Бутылка без повода круче всего
калечит и губит мужчину,
дурак может пить ни с того ни с сего,
а умный – находит причину.

16

Внезапно понял я сегодня,
каким высоким занят делом
желудок наш – лихая сводня
души с умом и мысли с телом.

17

Мы не глупы, не злы, не спесивы,
любим женщин, азарт и вино
и всегда будем так же красивы,
как мы были когда-то давно.

18

Закончив шумную попойку,
игру идей и мыслей пир,
зови к себе подругу в койку
и смело плюй на Божий мир.

19

Отнюдь я, выпив, не пою,
а учиняю праздник духа,
плетя мелодию свою
душой без голоса и слуха.

20

Не было у выпивки причин,
в песне пьяной не было резона,
каждый ощутимо получил
порцию душевного озона.

21

Снова пьянка тянется шальная,
в мире всюду – ясная погода,
радость в каждом госте мне двойная —
от его прихода и ухода.

22

С радостью по жизни я гуляю

в мире, лютой злобой повреждённом,
жажду выпить – водкой утоляю,
жажду просто – пивом охлаждённым.

23

Смотрю, садясь попить-поесть,
на пятки дней мелькающих,
у пьянства тоже много есть
последствий вытекающих.

24

Не зря на склоне лет
я пить люблю и есть:
на свете счастья нет,
но вместе с тем и есть.

25

А если где-то ждёт попойка,
и штоф морозится большой,
то я лечу, как птица-тройка,
хотя еврейская душой.

26

Пускай расходятся в улёт
последние гроши:
Бог дал нам душу – Он пошлёт

и на пропой души.

27

Меж нас гуляет бес похмелья,
вступая с душами в игру:
он после пьяного веселья
их тянет выпить поутру.

28

Люблю я проследить, как возлияние,
просачиваясь в мироощущение,
оказывает веское влияние
на духа и ума раскрепощение.

29

Живу я славно и безбедно,
поскольку мыслю государственно:
народу в целом – пьянство вредно,
а каждой личности – лекарственно.

30

Пока ещё в душе чадит огарок
печалей, интереса, наслаждения,
я жизнь воспринимаю как подарок,
мне посланный от Бога в день рождения.

31

Сокрыта в разных фазах опьянения
таинственная сила врачевания,
играющая ноты упоения,
текущие до самобичевания.

32

Ценю я в игре винопития —
помимо иных услаждений —
возможность подёргать мыслителя
за яйца его убеждений.

33

Забавный знаю феномен:
от генерала до портного
у нас химический обмен
устроен так, что ждёт спиртного.

34

Курить, конечно, бросить надо бы,
загвоздка – в бедах совокупных,
а корни этой мелкой пагубы
растут во мне из дурей крупных.

35

В цепи причин и соответствий,

несущих беды, хворь и срам,
я не нашёл дурных последствий
от питья по вечерам.

36

Когда бы век я начал заново,
то к людям был бы я внимательней,
а гул и чад гулянья пьяного —
любил сильнее и сознательней.

37

Я злоупотребляю возлиянием,
здоровье подрывая наслаждением,
под личным растлевающим влиянием
и с жалостливым самоосуждением.

38

После пьянства лихие творятся дела
в ошалело бессонных ночах:
мрак женился на тьме, згу она родила,
мы сидим вчетвером при свечах.

39

Мне грустно думать в час ночной,
что подлежу я избавлению
и чашу горечи земной

закончу пить я, к сожалению.

40

Экклезиаст ещё заметил:
соблазну как ни прекословь,
но где подует шалый ветер,
туда он дуть вернётся вновь.

41

Хоть пили мы, как пить не стоит, —
за это вряд ли ждёт нас кара,
в нас только будущий историк
учует запах перегара.

42

Ко мне по ходу выпивания —
о чём бы рядом ни кричали —
приходит радость понимания,
что дух наш соткан из печали.

43

Верный путь, на самом деле,
различим по двум местам:
то во храме, то в борделе
вьётся он то здесь, то там.

44

Виднее в нас после бутылки,
как истрепались в жизни бывшей;
мы не обломки, мы обмылки
эпохи, нас употребившей.

45

Наш путь извилист и неровен,
а жребий тёмен и превратен,
и только жирный чад жаровен
езде всегда надёжно внятен.

46

В года весны мы все гршили,
но интересен ход явления:
те, кто продолжил, – дольше жили,
Бог ожидал их исправления.

47

Каким ни вырос любомудром
и даже просто будь мудрец,
а всё равно охота утром
к похмельной рюмке огурец.

48

Смотрю без тени раздражения

на огнедышащий вулкан
и сразу после извержения
готов налить ему стакан.

49

Живя весьма благообразно
при нашем опыте и стаже,
мы не бежим на зов соблазна,
а просто надо нам туда же.

50

Ленив, лукав и невынослив,
я предан выпивке и блюду,
перенося дела на после
того, как я о них забуду.

51

Душа, мягчея от вина,
вступает с миром в компромисс,
и благ любой, сидящий на,
идуший по и пьющий из.

52

Хвала Творцу, что время длится,
что мы благих не ждём вестей,
и хорошеют наши лица

от зова низменных страстей.

53

В виду кладбищенского склепа,
где замер времени поток,
вдруг понимаешь, как нелепо
не выпить лишнего глоток.

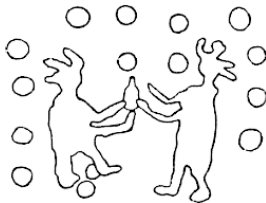
54

В основном из житейского опыта
мною усвоено важное то,
что пока ещё столько не допито,
глупо брать в гардеробе пальто.

55

Я думал всегда, что соблазны,
которые всем нам являются,
хоть как-то годам сообразны,
но бесы, увы, не меняются.

56

Загадочная русская душа
вселяется в отзывчивое тело:
душа как только выпить захотела,
так тело тащит выпивку спеша.

57

От вида ландшафта, пейзажа
(и речки чтоб вилась тесьма)
хочу сразу выпить, и даже
не просто хочу, а весьма.

58

Угас дурак, тачая жалобы
на мир жестокий и тупой,
а для здоровья не мешало бы
менять занудство на запой.

59

Моя душа передо мной
была душою ясновидца —

я мигом чувствую спиной,
что сзади выпивка струится.

60

Спешу с утра опохмелиться я,
чтоб горем не была беда,
если начнётся репетиция
премьеры Страшного суда.

61

У Бога я ни льготы, ни поблажки
ни разу не просил, терпя убытки,
за это у меня всегда во фляжке
божественные булькают напитки.

62

Ко мне явилось откровение
о смысле жизни и нирване,
но было выпить настроение,
и я забыл его по пьяни.

63

Ещё я на радость имею талоны,
но пристально если взглянуть —
питейной бутылки покатые склоны
рисуют мой жизненный путь.

А в чём действительно я грешен,
и это мне припомнит Бог —
я в этой жизни баб утешил
намного менее, чем мог.

65

Пока не позвала в себя кровать,
которая навеки нас уложит,
на кладбище должны мы выпивать
за тех, кто выпивать уже не может.

66

Не с горечью влачу я жизнь мою,
а круто благоденствую, доколе
всё видимое ясно сознаю
и черпаю блаженство в алкоголе.

67

Первую без чоканья нередко
пъём теперь, собравшись за столом:
некто близкий выдернут, как репка,
и исчез у жизни за углом.

68

Плывя со всеми к райским кушам,
я только с теми теплою связь,
кто видит вечное в текущем
и плавно пьёт, не торопясь.

69

Растает в шуме похорон
последних слов пустая лесть,
и тихо мне шепнёт Харон:
– А фляжка где? Стаканы есть.

70

Забавы Божьего глумления —
не боль и тяжесть испытаний,
а жуткий вид осуществления
иллюзий наших и мечтаний.

71

Крайне просто природа сама
разбирается в нашей типичности:
чем у личности больше ума,
тем печальней судьба этой личности.

72

Прекрасен мир, судьба права,
полна блаженства жизнь земная,

и всё на свете трын-трава,
когда проходит боль зубная.

73

Наш ум и дух имеют свойство
цвести, как майская природа,
пока жирок самодовольства
их не лишает кислорода.

74

Стихий – четыре: воду, воздух,
огонь и землю чтити греки,
но оказалась самой грозной
стихия крови в человеке.

75

Пускай оспорят как угодно
и пригвоздят учёной фразой,
но я уверен: зло – бесплодно,
а размножается – заразой.

76

Мне совсем в истории не странны
орды разрушителей лихих:
варвары захватывают страны,
скапливаясь тихо внутри них.

Я не люблю любую власть,
мы с каждой не в ладу,
но я, покуда есть что класть,
на каждую кладу.

Навряд ли может быть улучшен
сей мир за даже долгий срок,
а я в борьбе плохого с худшим
уже, по счастью, не игрок.

Бездарность отнюдь не болото,
в ней тайная есть устремлённость,
она выбирает кого-то
и мстит за свою обделённость.

Светится душевное величие
в миг, когда гримасой и смешком
личность проявляет безразличие
к выгоде с заведомым душком.

Когда б не запахи и краски,
когда б не звук виолончели,
когда б не бабушкины сказки —
давно бы мы осволочили.

82

В зыбком облаке марева мутного
суетливо катящихся дней
то, что вечно, слабее минутного,
и его различить тяжелей.

83

Так жаждем веры мы, что благо
любая искра в поле мгlistом,
и тяжела душе отвага
оставить разум атеистом.

84

Готовность жить умом чужим
и поступать по чьей-то воле —
одна из дьявольских пружин
в устройствах гибели и боли.

85

Мы так то ранимы, то ломки,
что горестно думаю я:

душа не чужая – потёмки,
потёмки – родная своя.

86

До мудрых мыслей домолчаться,
чтоб восхитилась мной эпоха,
всегда мешают домочадцы
или зашедший выпивоха.

87

В воздухе клубится, словно в чаше,
дух былых эпох, и поневоле
впитывают с детства души наши
это излучающее поле.

88

Все трое – Бог, эпоха, случай —
играют в карты – не иначе,
и то висят над нами тучей,
то сыпят блёстками удачи.

89

У нас полно разумных доводов,
из фактов яркий винегрет,
и много чисто личных поводов,
чтобы в любой поверить бред.

Опиум вдыхает наркоман,
водкой душу пьяница полощет,
я приемлю с радостью обман,
если от него светлей и проще.

91

В нашем человеческом семействе,
в нашей беспорядочной игре
гений проявляется в злодействе
ярче и полнее, чем в добре.

92

Тяжко жить нам как раз потому,
что возводим глаза к небесам,
а помочь может Бог лишь тому,
кто способен помочь себе сам.

93

Когда повсюду страх витает
и нрав у времени жесток,
со слабых душ легко слетает
культуры фиговый листок.

94

Вряд ли в нашем разуме на дне —
мыслей прихотливые изыски,
там, боюсь я, плавают в вине
книжные окурки и огрызки.

95

Рассекая житейское море,
тратить силы не стоит напрасно;
если вовсе не думать, то вскоре
всё на свете становится ясно.

96

Быть может, потому душевно чист
и линию судьбы своей нашёл,
что я высокой пробы эгоист —
мне плохо, где вокруг не хорошо.

97

Не зря про это спорят бесконечно:
послушная небесному напутствию,
душа – это витающее нечто,
заметное нам только по отсутствию.

98

Любое сокрушительное иго
кончается, позора не минуя,

подпоркой, где возносится квадрига,
ничейную победу знаменуя.

99

Не только из дерева, камня, гвоздей
тюремные сложены своды —
сперва их возводят из чистых идей
о сути и смысле свободы.

100

Те, кто обивает нам пороги,
те, кто зря стучится в наши двери, —
выяснится позже, что пророки,
первые по вере в новой эре.

101

Всегда в июле неспроста
меня мыслишка эта точит:
вот летний день длиннее стал,
вот жизнь моя на год короче.

102

Забавная подробность мне видна,
которую отметил бы я плюсом:
в делах земных и Бог и сатана
отменным обладают оба вкусом.

Куда чуть зорче ни взгляни —
везде следы вселенской порчи;
чем мысли глубже, тем они
темнее, тягостней и горче.

104

Много ещё чёрного на свете
выползет чумой из-под обломков:
прах и пепел нашего столетия
радиоактивны для потомков.

105

Я разумом не слишком одарён,
однако же теперь, на склоне дней,
я опытом житейским умудрён.
Отнюдь не став от этого умней.

106

Умом нисколько не убогие,
но молят Бога люди многие,
трепя губами Божье имя,
как сосунки – коровье вымя.

107

Прости мне, Боже, мой цинизм,
но я закон постиг природный:
каков народный организм,
таков, увы, и дух народный.

108

В морали, это знает каждый,
нужна лишь первая оплошка;
нельзя терять невинность дважды
или беременеть немножко.

109

В любом из нас витает Божий дух
и бродит личный бес на мягких лапах,
поэтому у сказанного вслух
бывает соответствующий запах.

110

Часто сам себе необъясним,
носит человек в себе, бедняга,
подло поступающее с ним
некое глухое альтер-Яго.

111

Подлинного счастья в мире мало,
с этим у Творца ограничения,

а кого судьба нещадно мяла —
счастливы уже от облегчения.

112

Мир иллюзий нам отечество —
всё, что кажется и мнится;
трезвый взгляд на человечество —
это почва, чтобы спиться.

113

А кроме житейских утех, —
негромко напомнит мне Бог, —
ещё ты в ответе за тех,
кому хоть однажды помог.

114

В одном лишь уравнивать Господь решил
и гения, и тёмного ублюдка:
в любом из нас гуляние души
зависит от исправности желудка.

115

Увы, но играм интеллекта
извечно всюду не везло:
всегда являлся некий некто,
чтоб их использовать во зло.

Пока живём и живы – мы играем;
до смертной неминуемой поры
то адом озарённые, то раем,
мы мечемся в чистилище игры.

117

В коктейле гнева, страха, злобы —
а пьётся он при всяком бедствии —
живут незримые микробы,
весьма отравные впоследствии.

118

Только с возрастом грустно и остро
часто чувствует честный простак,
что не просто всё в мире непросто,
но и сцеплено как-то не так.

Реки крови мы пролили на планете,
восторгаясь, озаряясь и балдея;
ничего не знаю гибельней на свете,
чем высокая и светлая идея.

120

В наших каменных тесных скворешниках,
где беседуют бляди о сводниках,
Божий дух объявляется в грешниках
несравненно сильней, чем в угодниках.

121

Я не трачусь ревностно и потно,
я живу неспешно и беспечно,
помня, что ещё вольюсь бесплотно
в нечто, существующее вечно.

122

От первой до последней нашей ноты
мы живы без иллюзий и прикрас
лишь годы, когда любим мы кого-то,
и время, когда кто-то любит нас.

123

У зла такая есть ползучесть
и столько в мыслях разных но,
что ненароком и соскучась,
легко добро творит оно.

124

Есть мера у накала и размаха
способностей – невнятная, но мера,
и если есть у духа область паха,
то грустен дух от холодности хера.

125

С чего, подумай сам и рассуди,
душа твоя печалью запорошена?
Ведь самое плохое – позади.
Но там же всё и самое хорошее.

126

Много блага в целебной способности
забывать, от чего мы устали,
жалко душу, в которой подробности
до малейшей сохранны детали.

127

В истории нельзя не удивиться,
как дивны все начала и истоки,

идеи хороши, пока девицы,
потом они бездушны и жестоки.

128

Падшие ангелы, овцы заблудшие,
все, кому с детства ни в чём не везло, —
это заведомо самые худшие
из разносящих повсюдное зло.

129

Зря в кишении мы бесконечном
дребезжим, как пустая канистра;
вечно занятый – занят не вечным,
ибо вечное – праздная искра.

130

Дыхание растлительного яда
имеет часто дьявольский размах:
бывают мертвецы, которых надо
убить ещё в отравленных умах.

131

Формулы, при нас ещё готовые,
мир уже не примет на ура,
только народятся скоро новые
демоны всеобщего добра.

Возможность новых приключений
таят обычно те места,
где ветви смыслов и значений
растут из общего куста.

Педантичная рассудочность
даже там, где дело просто,
так похожа на ублюдочность,
что они, наверно, сёстры.

Я научность не нарушу,
повторив несчётный раз:
если можно плюнуть в душу —
значит, есть она у нас.

Нечто я изложу бессердечное,
но среди лихолетия шумного
даже доброе сеять и вечное
надо только в пределах разумного.

Всегда витает тень останков
от мифа, бреда, заблуждения,
а меж руин воздушных замков
ещё гуляют привидения.

137

Все восторги юнцов удалых —
от беспечного гогота-топота,
а угрюмый покой пожилых —
от избытка житейского опыта.

138

В этом мире, где смыслы неясны,
где затеяли – нас не спросили,
все усилия наши – напрасны,
очевидна лишь нужность усилий.

139

Так как чудом Господь не гнушается,
наплевав на свои же формальности,
нечто в мире всегда совершается
вопреки очевидной реальности.

140

Искусство – наподобие куста,
раздвоена душа его живая:

божественное – пышная листва,
бесовское – система корневая.

141

Вот нечто, непостижное уму,
а чувством – осязаемое заранее:
крошечная ненужность никому —
причина и пружина умирания.

142

Известно веку испокон
и всем до одного:
на то закон и есть закон,
чтоб нарушать его.

143

Свято предан разум бедный
сказке письменной и устной:
байки, мифы и легенды
нам нужнее правды гнусной.

144

Пока, пока, моё почтение,
приветы близким и чужим...
Жизнь – это медленное чтение,
а мы – бежим.

От вина и звучных лир
дико множатся народы;
красота спасла бы мир,
но его взорвут уроды.

146

Несчастливы чуть ли не с рождения,
мы горько жалуемся звёздам,
а вся печаль от заблуждения,
что человек для счастья создан.

147

Когда мы раздражаемся и злы,
обижены, по сути, мы на то,
что внутренние личные узлы
снаружи не развяжет нам никто.

148

Страдания и муки повсеместные
однажды привлекают чей-то взгляд,
когда они уже явились текстами,
а не пока живые и болят.

149

А пока мы кружим в хороводе,
и пока мы пляшем беззаветно,
тление при жизни к нам приходит,
просто не у всех оно заметно.

150

Словами невозможно изложить,
выкладывая доводы, как спички,
насколько в этой жизни тяжко жить
и сколько в нас божественной привычки.

151

Давным-давно уже замечено
людской молвой непритязательной,
что жить на свете опрометчиво —
залог удачи обязательной.

152

Мне лезет в голову охальство
под настроение дурное,
что если есть и там начальство —
оно не лучше, чем земное.

153

Забавное пришло к нам испытание,
душе неся досаду и смущение:

чем гуще и сочнее у нас питание,
тем жиже и скудней у нас общение.

154

Никто не в силах вразумительно
истолковать устройство наше,
и потому звучит сомнительно
мечта о зёрнах в общей каше.

155

Я бы мог, на зависть многих,
сесть, не глянув, на ежа —
опекает Бог убогих,
у кого душа свежа.

156

Мир хочет и может устроиться,
являя комфорт и приятство,
но правит им тёмная троица —
барыш, благочестие, блядство.

157

Мы и в познании самом
всегда готовы к тёмной вере:
чего постичь нельзя умом,
тому доступны в душу двери.

А жалко, что на пире победителей,
презревших ради риска отчий кров,
обычно не бывает их родителей —
они не доживают до пиров.

159

Споры о добре, признаться честно, —
и неразрешимы, и никчемны,
если до сих пор нам не известно,
кто мы в этой жизни и зачем мы.

160

Пути судьбы весьма окружны,
и ты плутать ей не мешай;
не искушай судьбу без нужды
и по нужде не искушай.

161

Я вижу, глядя исподлобья,
что цепи всюду неослабны;
свободы нет, её подобья
езде по-своему похабны.

162

Боюсь, что Божье наказание
придёт внезапно, как цунами,
похмелье похоти познания
уже сейчас висит над нами.

163

Молчат и дремлют небеса,
внизу века идут;
никто не верит в чудеса,
но все их тихо ждут.

164

Предел земного нахождения
всегда означен у Творца:
минута нашего рождения —
начало нашего конца.

165

Хотя я мыслю крайне слабо,
забава эта мне естественна;
смешно, что Бог ревнив, как баба,
а баба в ревности – божественна.

166

Числим напрасно мы
важным и главным —

вызвать у Бога секрет и ответ:
если становится тайное явным,
то изменяется, выйдя на свет.

167

Похожи на растения идеи,
похожи на животных их черты,
и то они цветут, как орхидеи,
то пахнут, как помойные коты.

168

Бежать от века невозможно,
и бесполезно рваться вон,
и внутривенно и подкожно
судьбу пронизывает он.

169

Стихийные волны истории
несут разрушенья несметные,
и тонут в её акватории
несчётные частные смертные.

170

Зима! Крестьянин, торжествуя,
наладил санок лёгкий бег,
ему кричат: какого хуя,
ещё нигде не выпал снег!

171

Здоровым душам нужен храм —
там Божий мир уютom пахнет,
а дух, раскрытый всем ветрам,
чихает, кашляет и чахнет.

172

Природа почему-то захотела
в незрячем равнодушии жестоком,
чтоб наше увядающее тело
томилось жизнедеятельным соком.

173

Развилка у выбора всякого
двоится всегда одинаково:
там – тягостно будет и горестно,
там – пакостно будет и совестно.
174

С переменной настроения,
словно в некоей детской сказке,
жизни ровное струение
изменяется в окраске.
175

Наши головы – как океаны,
до сих пор неоткрытые нами:
там течения, ветры, туманы,
волны, бури и даже цунами.
176

Устроена забавно эта связь:
разнузданно, кичливо и успешно
мы – время убиваем, торопясь,
оно нас убивает – неспешно.
177

Уставших задыхаться в суете,
отзывчиво готовых к зову тьмы,

нас держат в этой жизни только те,
кому опора в жизни – только мы.

178

Хоть пылью всё бывшее запорошено,
душа порою требует отчёта,
и помнить надо что-нибудь хорошее,
и лучше, если подлинное что-то.

179

Тихой жизни копошение —
кратко в юдоли земной,
ибо жертвоприношение
Бог теперь берёт войной.

180

Не разум быть повыше мог,
но гуще – дух добра,
когда б мужчину создал Бог
из женского ребра.

181

Хоть на ответ ушли года,
не зря душа ответа жаждала:
Бог есть не всюду, не всегда
и существует не для каждого.

Все твари зла – их жутко много —
нужны по замыслу небес,
ведь очень часто к вере в Бога
нас обращает мелкий бес.

183

Я вдруг понял – и замер от ужаса,
словногнулись и ехали стены:
зря философы преют и тужатся —
в Божьих прихотях нету системы.

184

Покуда все течёт и длится,
свет Божий льётся неспроста
и на высокие страницы,
и на отхожие места.

185

Как бы ни было зрение остро,
мы всего лишь наивные зрители,
а реальность и видимость – сёстры,
но у них очень разны родители.

186

Когда устали мы резвиться
и чужды всякому влечению,
ложится тенью на лица
печать покорности течению.

187

Веря в расцвет человеческой участи,
мы себе искренне ввали,
узкие просеки в нашей дремучести —
это круги и спирали.

188

Дабы не было слово пустым
в помогании душам пропащим,
чтобы стать полноценным святым,
надо грешником быть настоящим.

189

Звуков симфония, зарево красок,
тысячи жестов ласкательных —
у одиночества множество масок,
часто весьма привлекательных.

190

От жизни утробной до жизни загробной
обидно плестись по судьбе низкопробной.

По жизни понял я, что смог,
о духе, разуме и плоти,
а что мне было невдомёк —
душа узнает по прилёте.

192

На торжествах любой идеи,
шумливо празднуя успех,
различной масти прохиндеи
вздывают знамя выше всех.

193

Давно томят меня туманные
соображения о том,
что все иллюзии гуманные
смешными кажутся потом.

194

Когда б достало мне отваги
сказать мораль на все века,
сказал бы я: продажа шпаги
немедля тупит сталь клинка.

195

Природы пышное убранство
свидетельствует непреложно,
что наше мелкое засранство
ей безразлично и ничтожно.

196

Страх бывает овечий и волчий:
овцы блеют и жмутся гуртом,
волчий страх переносится молча
и становится злобой потом.

197

Прекрасна образованная зрелость,
однако же по прихоти небес
невежество, фантазия и смелость
родили много более чудес.

198

Сценарист, режиссёр и диспетчер,
Бог жестокого полон азарта,
и лишь выдохшись жизни под вечер,
мы свободны, как битая карта.

199

При Творце с его замашками,
как бы милостив Он не был,

мир однажды вверх тормашками
всё равно взлетит на небо.

200

Одни летят Венеру посмотреть,
другие завтра с истиной сольются...
На игры наши молча смотрит смерть
и прочие летающие блюдца.

201

Чувствую угрюмое томление,
глядя, как устроен белый свет:
ведь и мы – природное явление:
чуть помельтешили – и привет.

202

Мне любезен и близок порядок,
чередующий пламя и лёд:
у души за подъёмом – упадок,
за последним упадком – полёт.

203

Киснет вялое жизни течение —
смесь докуки, привычки и долга,
но и смерть – не ахти приключение,
ибо это всерьёз и надолго.

В череде огорчений и радостей
дни земные ничуть не постылы,
только вид человеческих слабостей
отнимает последние силы.

205

В духе есть соединённости,
неразрывные в их парности —
как весёлость одарённости
и уныние бездарности.

206

Крупного не жажду ничего,
я земное мелкое творение,
из явлений духа моего
мне всего милей пищеварение.

207

Так он мыслить умел глубоко,
что от мудрой его правоты
кисло в женской груди молоко
и бумажные вяли цветы.

208

Умом хотя совсем не Соломоны,
однако же нисколько не калеки,
балбесы, обормоты, охламоны —
отменные бывают человеки.

209

Шалопай, вертопрах и повеса,
когда в игры уже отыграли,
для утехи душевного беса
учат юных уму и морали.

210

Битвы и баталии мои
спутаны концами и началами,
самые жестокие бои
были у меня с однополчанами.

211

Клопы, тараканы и блохи —
да будет их роль не забыта —
свидетели нашей эпохи,
участники нашего быта.

212

Такой останется до смерти
натура дикая моя,

на симфоническом концерте —
и то, бывало, пукал я.

213

Рука фортуны загребаёт
из неизведанных глубин,
и в оголтелом разъебает
вдруг объявляется раввин.

214

Увы, но все учителя,
чуть оказавшись возле кассы,
выкидывают фортеля
и сотворяют выкрутасы.

215

Жар любви сменить морозами
норовит любой народ:
обосрёт, засыпет розами,
а потом – наоборот.

216

Усердия смешная добродетель
поскольку мне природой не дана,
то я весьма поверхностный свидетель
эпохи процветания гавна.

Про загадку факта важного
каждый знает, но молчит:
время жизни в ухе каждого
с разной скоростью журчит.

218

Есть люди редкого разлива,
у них и мужество – отдельное:
являть, не пряча боязливо,
живое чувство неподдельное.

219

Даже наш суровый век
полноту ничуть не судит:
если славный человек,
пусть его побольше будет.

220

Я ощутил сегодня снова —
так были споры горячи, —
что в нас помимо кровяного
есть и давление мочи.

221

Есть люди с тяжкими кручинами,
они не видны в общей массе,
но чувствуют себя мужчинами
не возле бабы, а при кассе.

222

Тернистый путь к деньгам и власти
всегда лежит через тоннель,
откуда лица блядской масти
легко выходят на панель.

223

Желанье тёмное и страстное
в любом хоть раз, но шевелилось:
уйти пешком в такое странствие,
чтоб чувство жизни оживилось.

224

От неких лиц не жду хорошего —
они, как язвой, тайно мучимы,
что были круто недоношены,
а после – крепко недоучены.

225

Блажен любой, кто образован;
я восхищался многократно,

как дух у них организован
и фарширован аккуратно.
226

Хочу богатством насладиться
не для покоя и приятства,
а чтобы лично убедиться,
что нету счастья от богатства.
227

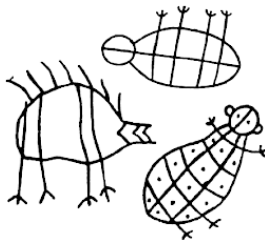
Я за умеренную плату —
за двести грамм и колбасу —
иду к себе в ума палату
и, пыль обдув, совет несу.
228

Заранее я знаю о соседе,
в вагоне оказавшемся бок о бок:
дежурное меню в такой беседе —
истории наёбов и поёбок.
229

Новых мифов нынче много,
личной жажде сообразно
кто-то всеу ищет Бога,
кто-то – общего оргазма.

Гуманность волнительным кружевом
 окутала быт наших лет:
 наружу выходят с оружием
 и плачутся в бронежилет.

231

Травя домашних насекомых,
 совсем не вредных и не злых,
 мы травим, в сущности, знакомых,
 соседей, близких и родных.

232

Мы очень прагматично и практично,
 весьма рационально мы живём,
 и все наши дела идут отлично,
 а песни мы – унылые поём.

233

Забавно мне, что поле брани
всех политических страстей
влечёт к себе потоки срани
различных видов и мастей.

234

Любую кто собрал коллекцию,
её холопы и фанаты —
глухую чувствуют эрекцию,
чужие видя экспонаты.

235

Имеют острые глаза
и мудрецы, и прохиндеи:
они пластичны, как лоза,
когда им виден ствол идеи.

236

Суке, недоноску и бездарности
выдано Творцом для утешения
дьявольское чувство солидарности
и хмельная пена мельтешения.

237

Есть люди – их усилия немалы, —
хотящие в награду за усердие

протиснуться в истории анналы,
хотя бы сквозь анальное отверстие.

238

Кто к жалостным склонен рыданиям

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.